

№ 45 (6575) (15-11-2016)

<http://lgz.ru/article/-45-6575-15-11-2016/khram-ili-muzey-gulaga-/>

15 ноября 2016

ХРАМ ИЛИ „МУЗЕЙ ГУЛАГА“?

Василий Щипков

Фото: РИА "Новости" (частично)

**Память о репрессиях в культурном ландшафте России:
политическое и духовное измерения**

В год столетия Русской революции разговор о репрессиях советского периода, скорее всего, кардинально поменяет своё направление. После смены общественно-политической парадигмы в 2014 году выяснилось, что народ воспринимает собственную историю более сложно и цельно.

Ещё несколько лет назад дискуссии о репрессиях советского периода строились вокруг вопроса: «Вы готовы это признать или нет?» – его часто ставили в ходе телевизионных ток-шоу. Казалось, общество

находится в исторической растерянности и не может консолидироваться, двигаться вперёд, не дав окончательной оценки советской эпохе. Однако после смены общественно-политической парадигмы в 2014 году выяснилось, что постановка вопроса надуманна, а общество воспринимает свою историю намного более серьёзно и цельно. В год 100-летия Русской революции разговор о репрессиях, скорее всего, кардинально поменяет направление. Разворачивается новая дискуссия – о том, кто имеет преимущественное моральное право объяснять и интерпретировать трагические страницы нашей истории. И с каких позиций надо это делать?

Сегодня отчётливо выделяются два противоречащих друг другу взгляда на тему репрессий, сталкиваясь в непримиримой борьбе. Они обусловлены не только разницей политических предпочтений людей, поскольку формируются на более глубоком уровне мировоззрения и культуры. Можно говорить, что в их основе лежат два разных подхода: христианский и противоположный ему. Образно говоря, в первом случае человек видит на местах репрессий храм, во втором – «Музей ГУЛАГа».

Если коснуться сферы культуры и искусства, то «Музей ГУЛАГа» культивирует ненависть к палачам и страх смерти. И палачи в нём уже даже не конкретные люди, а некая грозная тёмная сила, злой рок, левиафан. В «Музее ГУЛАГа» обычно ощущаются пустота и звонкое напряжение. С людьми, мучительно ушедшими до времени из жизни, нет и не может быть никакой связи и никакого общения, они где-то совсем далеко, их голоса забыты и не слышны, в лучшем случае остались одни интонации. Это не святые и не мученики – это жертвы, которые и после смерти испытывают страдания. Часто они воспринимаются как обезличенный сгусток боли – подобно Маскам скорби Эрнста Неизвестного. Они взирают на оставшихся жить осуждающе и взывают к мести: воздайте злу таким же злом.

Перед ушедшими чувствуешь вину, а перед роком смерти – беспомощность и злобу. Нехристианский культурный взгляд на репрессии направлен в наш материальный мир, он не метафизичен.

«Музей ГУЛАГа» стал едва ли не одним из видов современного искусства, он нарочито антиэстетичен и провокационен. Как элемент современной контркультуры, он требует мести не только палачам, но даже и всей культуре. Не только модерну, принципы которого реализовались в истории XX века, но и христианской цивилизации в целом. Всей своей изобразительной силой он воплощает и отражает атеистический бунт Ивана Карамазова и Николая Ставрогина, как бы спрашивая: где же был ваш Бог, допустивший такие страдания?

Этот ГУЛАГ «не забудет, не простит». Руководствуясь логикой мести, он видит в страданиях погибших легитимацию ответной, новой жестокости, которая, однако же, направлена не на физическое уничтожение людей, а на уничтожение традиции. «Музей ГУЛАГа» в этом развязывает руки. Злость и беспомощность перед неотвратимостью рока в конечном счёте даёт ощущение отчаянной, почти бунтарской свободы, позволяет почувствовать себя хозяином жизни. Если зло так велико и неотвратимо, то тогда всё позволено. Некоторые люди, ощущающие неотвратимость смерти, начинают мстить за это даже и самой жизни.

Нехристианское восприятие темы репрессий становится протестной политической технологией.

Слова «зэки», «ГУЛАГ», «чекисты», «политические доносы», «политические репрессии», «политзаключённые» и другая лексическая атрибутика темы репрессий были приватизированы и осовременены отечественным либерально-протестным дискурсом. Подкрепляя свою легитимность историческим прошлым, его лексика приобрела дополнительный смысл, сложилась в некий аппарат и используется для обличения не только былого, но и современности. Такая управляемая актуализация исторической памяти о репрессиях стала мощным политическим ресурсом. Ключевые тезисы этой риторики хорошо известны и сводятся к следующему: проведение трибунала над советским периодом, тотальная десоветизация России по прибалтийскому сценарию, массовое покаяние русского народа за советский период перед судом истории и мировой общественностью. А далее как итог следуют требования кардинальной смены культурно-ценностной парадигмы развития исторической России.

«Музею Гулага» чужда и невыносима консолидирующая сила «Бессмертного полка». Он не смог его высмеять и от злости создал свой ответ – акцию «Бессмертный барак». Словосочетание лишено вкуса и, к сожалению, опошляет память безвинно пострадавших людей.

Христианский подход к теме репрессий создаёт другую картину. Места и события, связанные с гибелью невинных, он не проклинает, а освящает. Это мышление материализуется в эстетике и богословии православного храма, где на каждой литургии вспоминается история репрессированного Бога. Здесь в молитве выстраивается личная связь человека с Богом и с погибшими. Погибшие – это не сгусток ненависти, а конкретные живые души. Они не вызывают к мести, а ждут молитвенной помощи. Среди них есть и мученики за веру, известные и неизвестные миру святые, которые умирали с молитвой на устах – без проклятий в адрес своих палачей. Люди приходят в храм не за обезболивающим совесть адреналином, который предлагает музей исторических ужасов, а с целью принести Богу бескровную жертву: «Жертва

Богу – дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Христианство настаивает, что зло, ведущее к страданию и смерти, находится внутри человека, и что врачевать его нужно любовью и покаянием, а не злобой и отчаянием.

К этому можно добавить, что сам Солженицын, не будучи в состоянии скрыть ненависть к советскому правосудию и лагерной системе, испытывая желание личной моральной сатисфакции и создавая одно из самых известных политических обличений XX века, всё-таки предпринимает драматическую попытку остаться христианином в оценке репрессий. Он изо всех сил старается запустить в создаваемый собственными руками музей ненависти под названием «Архипелаг ГУЛАГ» хотя бы немного христианского света, восклицая:

«Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждёт, что она будет политическим обличением.

Если б это так просто! – что где-то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?..»

«Музей ГУЛАГа» без христианской составляющей со временем становится похож на аттракцион ужасов. Он не лечит и не приносит избавления от страданий. Чтобы память о трагедии народа служила нравственному оздоровлению общества, монополию на неё необходимо забрать у политтехнологов и менеджеров современного искусства, передать народу и наполнить христианским, молитвенным духом.

Христианский взгляд на репрессии позволит деполитизировать эту тему. Он сместит в ней акцент с поиска обидчика на духовное преображение, с юридических вопросов – на духовно-нравственные. Примером служит само Евангелие, требующее не смерти врагам, а духовного исцеления человека, включая не только святых, но разбойников и палачей.

Тема репрессий – это не набор фактов из новейшей истории и даже не урок. Это метод воспитания общества. В стране, культура которой основана преимущественно на православной традиции, христианизация этого метода сделает его консолидирующим. Как крест – орудие казни и знак позорной смерти – стал святым символом вечной жизни и любви Бога к человеку, так и память о репрессиях может стать школой любви и служить нравственному оздоровлению общества.